

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-1-16-32

УДК 82.091

Научная статья / Research article

Прототип Вадима Рощина в «белой» версии трилогии «Хождение по мукам» А.Н. Толстого

Б.В. Соколов

*Ассоциации исследователей российского общества,
Российская Федерация, 107207, Москва, Чусовская ул., д. 11, корп. 7*

✉ bvsokolov@yandex.ru

Аннотация. Реконструируется замысел «белой» версии второго тома трилогии А.Н. Толстого «Хождение по мукам», создававшегося писателем в эмиграции в 1921–1923 гг. Этот замысел принципиально отличался от того, который был воплощен А.Н. Толстым после возвращения в СССР. Для реконструкции используются материалы, опубликованные в 1918 г. в ростовском журнале «Донская волна». С их помощью удастся выявить возможного прототипа одного из главных героев, Вадима Рощина, в ключительных главах первого тома трилогии и в первых главах второго тома «белой» версии. С учетом этого прототипа, полковника В.К. Манакина, удастся воссоздать возможный замысел второго тома «белой» версии «Хождения по мукам». Для реконструкции используются также записные книжки А.Н. Толстого. Реконструкция замысла А.Н. Толстого получилась более логически непротиворечивой по сравнению с единственной существующей советской версией второго и третьего томов трилогии «Хождение по мукам». Как Рощин, так и Телегин, в эмигрантской версии первого тома трилогии, выступающие как идеологи белого дела, оказываются в рядах белых армий Юга России, а потом в эмиграции. Показано, что переход главных героев к красным в советской версии «Хождения по мукам» является художественно неубедительным, так как не соответствует первоначальному замыслу А.Н. Толстого, воплощенного в эмигрантской версии «Сестер».

Ключевые слова: А.Н. Толстой, В.К. Манакин, реконструкция, прототип, литературный источник, цензура, революция, гражданская война

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 1 декабря 2020 г.; принята к публикации 12 декабря 2020 г.

Для цитирования: Соколов Б.В. Прототип Вадима Рощина в «белой» версии трилогии «Хождение по мукам» А.Н. Толстого // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 1. С. 16–32. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-16-32>

© Соколов Б.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

A Prototype of Vadim Roshchin in the “White” Version of Alexey N. Tolstoy’s Trilogy *The Road to Calvary*

Boris V. Sokolov

Association of Researchers of the Russian Society,
11 Chusovskaya St, bldg 7, Moscow, 107207, Russian Federation

✉ bvsokolov@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the reconstruction of the idea of the “white” version of the second volume of A.N. Tolstoy's trilogy *The Road to Calvary*, created by the writer in the emigration in 1921–1923. This idea was fundamentally different from the one embodied by A.N. Tolstoy after his return to the USSR. Materials published in 1918 in the Rostov magazine *Donskaya Volna (Don Wave)* are used for the reconstruction. Those materials help to identify Colonel V.K. Manakin as a supposed prototype of one of the main characters, Vadim Roshchin, in the final chapters of the first volume of the trilogy and in the first chapters of the second volume of the “white” version. The prototype makes it feasible to reconstruct the possible idea of the second volume of the “white” version of *The Road to Calvary*. A.N. Tolstoy's notebooks are also used for the reconstruction. The reconstruction of A.N. Tolstoy's plan turned out to be more logically consistent compared to the only existing Soviet version of the second and third volumes of the trilogy *The Road to Calvary*. Both Roshchin and Telegin, in the emigrant version of the first volume of the trilogy act as ideologists of the White Movement, find themselves in the White Armies of Southern Russia, and then in exile. The study shows that the transition of the main characters to the Red Movement in the Soviet version of *The Road to Calvary* is artistically unconvincing, since it does not correspond to the original plan of A.N. Tolstoy, embodied in the emigrant version of *Sisters*.

Keywords: A.N. Tolstoy, V.K. Manakin, reconstruction, prototype, literary source, censorship, revolution, civil war

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted December 1, 2020; revised December 6, 2020; accepted December 12, 2020.

For citation: Sokolov, B.V. (2021). A prototype of Vadim Roshchin in the “white” version of Alexey N. Tolstoy's trilogy *The Road to Calvary*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(1), 16–32. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-16-32>

Целью работы является реконструкция замысла второго тома трилогии А.Н. Толстого «Хождение по мукам» в его «белой» версии, создававшейся в 1921–1923 гг., в период пребывания писателя в эмиграции. Для реконструкции используются некоторые литературные источники о революции и гражданской войне, опубликованные в 1918 г. в ростовском журнале «Донская волна» и предположительно известные Толстому, а также материалы записных книжек писателя.

В предисловии к первому отдельному изданию первой части «Хождения по мукам» (будущим «Сестрам»), вышедшем в Берлине в 1922 г., Алексей Толстой писал: «Вторая часть трилогии, еще не оконченная, происходит

между 17 и 22 годами (в черновой рукописи предисловия было: «Роман кончается тремя днями февральского переворота. Это – первая часть трилогии. Вторая часть – революция, годы 1917–1921, – еще не закончена». – Б.С.), в то время, когда Россия переживала не радостную радость свободы, гнилотный яд войны, бродивший в крови народа, анархию и бред, быть может гениальный, о завоевании мира, о новой жизни на земле, междоусобную войну, разорение, нищету, голод, почти уже не человеческие деяния, и новый государственный строй, сдавивший, так что кровь брызжет между пальцами, тело России, бьющейся в анархии». В третьей части, как можно понять, Толстой собирался дать жизнь героев в эмиграции [1. С. 2–3; 2, С. 400].

Первоначально трилогия «Хождение по мукам» задумывалась как эпическое произведение о трагедии белого движения на Юге России. Замысел эпопеи, призванной показать переход интеллигенции на сторону Советской власти, родился уже после возвращения Толстого в СССР. Хотя писатель пытался искренне полюбить новый замысел, внутренне он оставался ему чуждым. Толстой перешел на сторону Советской власти из чисто прагматических соображений. Это предопределило художественную неудачу советской версии второй и третьей частей трилогии. Пришлось срочно перелицовывать героев, и в новых ролях они порой выглядели нелепо. Вероятно, этих недостатков во многом была лишена «белая» версия.

Хотя сам писатель был родом из Поволжья и хорошо знал здешние места, он показал главным образом гражданскую войну на Юге России, которую в течение некоторого времени наблюдал непосредственно, находясь в тылу белых армий. И в эмиграции Толстой встречался главным образом с теми, кто принимал участие в белом движении на Юге России, которому также было посвящено подавляющее большинство изданных в начале 1920-х годов белых мемуаров.

В июне 1921 года берлинский журнал «Русская книга» сообщал: «Граф А.Н. Толстой работает над новым романом, который составит вторую часть задуманной им трилогии и явится продолжением его романа „Хождение по мукам“. В нем будет изображена эпоха революции» [3. С. 25–26. Цит. по: 4. С. 351]. Неизвестно, был ли этот том завершен. В письме от 4 мая 1927 года редактору «Новый мир» В.П. Полонскому Толстой говорил, что собирается писать в трилогии о крестьянских бунтах и Кронштадте [5. Т. 10. С. 108]. Не исключено, что работу над «белой» версией Толстой продолжал вплоть до отъезда в СССР в 1923 году, уже без всякого расчета на публикацию, а просто для того, чтобы выговориться перед самим собой в соответствии со своими подлинными взглядами на революцию и гражданскую войну. Если вторая часть «белой» версии все же была завершена, она могла быть лучшим романом Толстого, который, кроме самого писателя, никому не суждено было прочитать. Завершать же трилогию, начатую в Париже в 1919 году, пришлось много лет спустя и совсем в других условиях.

Школьники, изучавшие в советское время «Хождение по мукам» в школе, не представляли, что существовало совсем другое «Хождение по мукам», где путь главных героев лежал к белым, а потом в эмиграцию. Эмигрантская версия первой части трилогии в советское время не переиздавалась.

А про написанную в эмиграции, но так и не опубликованную часть трилогии, явно трактовавшую революцию и гражданскую войну с «белых» позиций, вообще мало кто знал даже из литературоведов, не занимавшихся непосредственно творчеством Толстого. Вариант трилогии, создававшийся в эмиграции и доведенный в лучшем случае до конца второй части, мы условно называем «белой» версией.

Вероятно, в отличие от первой, преимущественно «мужской» была вторая часть «белой» версии, где речь шла о гражданской войне. Но в советском варианте второй и третьей частей главные женские образы художественно убедительнее мужских, те эпизоды, где Роцин и Телегин выступают в роли красных, порой просто неловко читать.

Обращение к белогвардейским источникам трилогии позволяет установить одного очень важного прототипа Роцина в последних главах «белой» версии первой части «Хождения по мукам» и, по всей вероятности, в первых главах второй части. Вот портрет Роцина: «...Катя, приотворила дверь и увидела сидящего на диване большого человека в военной рубашке, бритая голова его была перевязана черным. Он торопливо встал. У Кати начали дрожать колени, похолодело, стало пусто под сердцем. Человек глядел на нее светлыми, расширенными, страшными глазами. Прямой рот его был сжат, на скулах надуты желваки. Это был Роцин, Вадим Петрович» [6. С. 168]. Это описание очень похоже на портрет полковника Виктора Константиновича Манакина (1887–1964) работы художника Леонида Кудина, помещенный на обложку ростовского еженедельника «Донская волна» № 17 за 1918 год с подписью: «Полк. В.К. Манакин, организатор ударных батальонов» [7. С. 1]. Мы предполагаем, что Манакин был прототипом Роцина в эмигрантской версии будущих «Сестер».

Вероятно, это случайность, но Манакин на этом портрете достаточно сильно похож на актера Михаила Ножкина, игравшего роль Роцина во второй советской экранизации «Хождения по мукам» – телесериале 1977 года режиссера Василия Ордынского. По мнению большинства критиков, Ножкин стал лучшим Роциным советского и российского кино, выиграв заочное соревнование даже у такого признанного мэтра как Николай Гриценко, который исполнял роль Роцина в первой советской экранизации трилогии, осуществленной в 1957 году режиссером Григорием Рошалем.

В реальной жизни рост Роцина в чинах от прапорщика, каковым он предстает в «белой» версии «Сестер» летом 1916 года, до подполковника уже в 1917 году (во втором томе советской версии «Хождения по мукам» Роцин фигурирует как подполковник) был невозможен, и Толстой это понял. Поэтому в советской версии первого тома он повысил Роцина до капитана в 1916 году и из офицера военного времени превратил в кадрового офицера. Можно не сомневаться, что если бы Толстому пришлось издавать второй том трилогии в эмиграции, то он бы внес примерно такие же изменения и в первый том.

Манакин же, бывший гвардейский артиллерийский офицер, до начала Первой мировой войны успел с отличием окончить Военную академию и был причислен к Генеральному штабу, а за подвиги в годы Первой мировой

войны был удостоен многих орденов и Георгиевского оружия и 1917 год встретил подполковником, как и Рошин.

После Февральской революции Манакин стал одним из инициаторов создания в русской армии добровольческих ударных формирований. Другой сторонник создания ударных частей в 1917 году – подполковник, командир стрелкового батальона 12-й кавалерийской дивизии, ставший в белой армии генерал-майором и командиром Туземной горской дивизии, а в эмиграции – известным писателем под псевдонимом «Николай Белогорский», Николай Всеволодович Шинкаренко (1889–1960), племянник генерала А.А. Брусилова, вспоминал в очерке, посвященном Манакину, что в мае 1917 года на съезде Юго-Западного фронта в Каменце-Подольском тот одним из первых высказал предложение о создании ударных батальонов. Николай Всеволодович отзывался о Манакине исключительно комплементарно: «Были люди, вспомнившие о Карно и о четырнадцати армиях конвента. И они замыслили пойти путем Карно, обратиться к призыву волонтеров... 16 мая молодой подполковник Генерального штаба, делая съезду доклад о положении на театре мировой войны, внес предложение об организации новых войск из волонтеров, об организации ударных батальонов, которые должны были послужить ядром новой армии. Подполковника, не забывшего в угаре русской революции о том, как была подготовлена победа армий конвента, звали: Виктор Манакин. По его мысли, одни ударные батальоны должны были быть сформированы из готовых уже солдат, из добровольцев фронта. Старая умирающая армия должна была отдать рождающейся новой свои жизнеспособные элементы. Но должны были быть созданы и батальоны другого рода, батальоны, составленные исключительно из необязанных военной службой волонтеров, набранных в тылу...

Кто шел в батальоны? Главным образом, такая же молодежь допризывного возраста, как та, что позже обороняла Дон, шли воспламененные Федором Баткиным черноморские матросы, шли в небольшом числе правые эсеры. Дело шло и шло довольно успешно, но размах его не стал и не мог стать грандиозным. Новая армия не родилась.

Революционная Франция дала конвенту четырнадцать армий, революционная Россия подарила юго-западному фронту четырнадцать батальонов» [8. С. 3].

Шинкаренко вспоминал, что 30 августа 1917 года Манакин был ранен на позиции у Языжиска, но продолжал командовать 1-м Революционным полком. Точно так же Рошин приезжает в 1917 году к Кате в Москву после ранения, о чем свидетельствует черная повязка на голове.

В том же номере «Донской волны» сразу вслед за очерком Шинкаренко был помещен небольшой очерк «Октябрьский переворот и ударники», подписанный инициалами Г.Ф. Там рассказывалось об участии в боях в Москве Брянского и Московского ударных батальонов, составленных из волонтеров тыла, причем упоминался и «сектор между Никитским бульваром и Молчановкой (то есть рядом с квартирой Толстых. Неслучайно Алексей Николаевич в дневниковой записи, относящейся к тем дням, упоминает ударников. – Б.С.). Условия обороны были нечеловечески трудны. В течение

недели никто не спал. Посты сменялись через 12 часов. Вылазки делались непрерывно. Всякий раз лазутчики приводили с собой пленных, впятеро и более превосходивших их числом. В штабе Московских ударников в художественном электрическом театре на Арбатской площади сидело 300 пленных, тогда как весь отряд охраны сектора насчитывал 35 человек. На колокольне церкви св. Бориса и Глеба находился пулемет, беспокоивший отряд. Один охотник-ударник ворвался на колокольню, переколот 3 красных и, сняв пулемет, доставил его своим. Все соревновались друг с другом в подобном удалстве. Вместе с тем до последней минуты сохраняли образцовый порядок. Большевиков вид красно-черной ленты приводил в ярость. Ни один ударник в плен не сдался» [9. С. 6].

Сам Манакин тоже опубликовал в «Донской волне» два очерка об ударниках. 28 октября 1918 года появился очерк «Ударные батальоны 1917 года (наброски и воспоминания)». Манакин вспоминал: «На какой бы ступени развития не находилась та или иная народность, в душе каждого народа неизбежно живет национальная идея.

Выражаясь в первой, низшей своей стадии идеей защиты своего очага, национальная идея эволюционирует и прогрессирует в соответствии с расширением умственного горизонта массы.

Задача живых сил страны, ее интеллигенции, пробуждать и культивировать в душах своего народа этот священный огонь в самой первобытной его форме, так как только таким путем возможно объединение масс и создание государства.

Много ли осталось в России людей, верящих в ее национальное возрождение?

А если не верить? Что делать?» [10. С. 11].

25 ноября 1918 года Манакин опубликовал в «Донской волне» свой второй и последний очерк «Последняя русская Ставка». Там рассказывалось, как Ударный революционный полк охранял Ставку, как Манакин безуспешно пытался убедить Н.Н. Духонина перенести Ставку в Киев, обещая своим полком сдерживать отряды большевиков у Могилева, пока эвакуация не будет завершена. Манакин также подробно описал, как он после захвата Могилева красногвардейцами с боями пробивался на юг со своим полком и другими присоединившимися к нему ударными батальонами [11. С. 11–13].

В статьях Шинкаренко и Манакина содержалось достаточно информации о формировании ударных батальонов, о их попытке оборонять Ставку и последующем походе на Дон. Думаем, что в «белой» версии Толстой в начале второй части «Хождения по мукам» уделено много внимания ударническому движению и роли в нем Рощина, а также описано пребывание ударников в Ставке и их последующему походу на Дон. Скорее всего, Рощин, как и Манакин, узнавал о печальной судьбе Духонина.

Кстати сказать, из статей Шинкаренко и Манакина однозначно следовало, что наиболее боеспособными в начинавшейся гражданской войне оказались именно те ударники, которые являлись волонтерами тыла, тогда как ударники из кадровых солдат от участия в гражданской войне старались уклониться. Тут уже сказывались определенные социально-классовые раз-

личия. Волонтеры тыла происходили из относительно состоятельных кругов общества, прежде всего, из интеллигенции, тогда ударники из кадровых военных происходили из крестьян. Из кадровых ударников с Манакиным оставались главным образом унтер-офицеры, значительная часть которых была вольноопределяющимися, то есть в социальном отношении была близка волонтерам тыла. Волонтеры тыла были гораздо более мотивированы на борьбу в начинавшейся гражданской войне, чем солдаты-ударники из числа фронтовиков.

В эмигрантской версии первой части трилогии Роцин везет в Ставку план, который призван спасти Россию от большевиков: «— Я везу план военному министру, но не надеюсь, чтобы его одобрили, — сказал Роцин, — план такой: объявить полную демобилизацию в быстрые сроки, то есть организовать бегство и тем спасти железные дороги, артиллерию, огневые и продовольственные запасы. Твердо заявить нашим союзникам, что мы войны не прекращаем.

В то же время выставить в бассейн Волги заграждение из верных частей, таковые найдутся; в Заволжье начать формирование совершенно новой армии, ядро которой должно быть из добровольческих частей; поддерживать и формировать одновременно партизанские отряды... Опираясь на Уральские заводы, на сибирский уголь и хлеб, начать войну заново... Другого выхода нет... Надо понять, какое теперь время... В русском народе не действуют больше ни разум, ни воля, действуют из самых темных тайников поднятые инстинкты земляного человека. Инстинкт один — вспахать и засеять... И пашней будет все русское государство... пройдут плугом по всей земле наподлицо... Так пускай уже они скорее это делают...» [6. С. 250]. Этот эпизод сохранился и в советской версии, но в измененном виде. Там автором плана выступает не сам Роцин, а «несколько господ генералов» [5. Т. 5. С. 302].

Тот проект, который по свидетельству Шинкаренко и Манакина рассматривали в последние дни существования русской Ставки Духонин, Дитерихс, Вырубов и Врангель, во многом совпадает с планом, который еще в мае — июне 1917 года предлагал Манакин. В романе же его осенью 17-го везет в Ставку Роцин.

Фактически здесь Роцин выступает как один из идеологов будущей белой Добровольческой армии. Телегин и Роцин много рассуждали о судьбах России. Очевидно, предполагалось, что и в последующих частях они тоже будут резонерами, выражающими авторские мысли о современности и будущем. Но вторая и третья части «Хождения по мукам» были написаны и опубликованы уже в СССР. А там крамольными считались бы любые рассуждения положительных героев, которые не вели бы к выводу о закономерности и благодетельности победы большевиков. Сам Толстой очень хорошо понимал цензурные границы, равно как и то, что его творческая свобода в Советском Союзе ограничена несравнимо больше, чем в эмиграции. Друживший с Толстым критик и драматург О.С. Литовский свидетельствовал: «Я спросил Алексея Николаевича: „Будете писать третью часть “Грозного” или пьесе так и суждено остаться диалогией?“

Толстой усмехнулся, посмотрел на меня, как на человека, предлагающего ему какое-то безумное предприятие. Покачал головой и сказал:

– Гм... Третья часть... Для того чтобы писать третью часть, надо мне уехать из России» [12. С. 98].

В третьей части пьесы об Иване Грозном должна была быть показана опричнина. Учитывая трепетное отношение Сталина к создателю опричнины, Толстой понимал, что откровенно об этом можно было бы писать, только находясь в эмиграции.

Хорошо известный Толстому В.В. Вырубов имел отношение к проекту «народной армии», который очень напоминает проект устройства новой армии, который везет в Ставку Рощин. По воспоминаниям подполковника Виктора Константиновича Манакина (в Донской армии атамана Краснова он стал полковником), одного из организаторов ударных батальонов, «в Ставке, ко времени моего приезда (в начале ноября 1917 года в Ставку по приказу Духонина прибыл 1-й ударный революционный полк, которым командовал Манакин. – Б.С.), был еще генерал Врангель... он к этому времени... с благословения Дитерихса, Вырубова (помощника начальника штаба по гражданской части. – Б.С.) и Духонина работал над проектом организации Русской Народной армии, во главе которой должен был стать Вырубов и которую предполагалось создать из ударных частей» [11. С. 11].

В середине декабря (ст. ст.) 1916 года Толстой выехал в Минск, где размещался комитет Западного фронта при Всероссийском земском союзе городов. По свидетельству Натальи Васильевны Крандиевской, Алексея Николаевича вызвал туда Василий Васильевич Вырубов (1879–1963), заведующий земскими делами при Ставке Главнокомандующего Западным фронтом, после Февральской революции ставший товарищем министра внутренних дел Временного правительства, и помощник по гражданским делам при начальнике Штаба Верховного главнокомандующего в Ставке после ареста Л.Г. Корнилова. Василий Васильевич был племянником первого главы Временного правительства князя Г.Е. Львова, являвшегося также председателем Всероссийского земского союза помощи больным и раненым военным и главой Земгора (главного по снабжению армии комитета Всероссийских земского и городского союзов). В 1919 году Вырубов был генеральным секретарем русской делегации на Парижской мирной конференции. В эмиграции он был успешным банкиром и масоном, помогал деятелям русской культуры.

15 января (ст. ст.) 1917 года Толстой успел опубликовать в «Русских ведомостях» панегирическую по отношению к В.В. Вырубому статью «Земской союз. Из дневника на 1917» [13. С. 2].

Как отмечает автор единственной биографии В.К. Манакина саратовский историк А.В. Посадский, «в своей публицистике Манакин не боится ставить знак равенства между офицером и интеллигентом. Для многих это были антагонистические понятия и до, и после 1917-го года! И навсегда для Манакина образцом гражданственности и патриотической сознательности остались волонтеры 1917 года. В известных нам произведениях проводится идея единства политически ориентированного офицера и интеллигента, по-

нимаемого как образованный гражданин своей страны, мотив продуктивной социальной активности» [14. С. 380]. Эти мысли были очень близки Толстому как в период гражданской войны и эмиграции, так, возможно, и в более поздний период его жизни. Олицетворением таких офицеров-интеллигентов наверняка были в «белой» версии «Хождения по мукам» Роцин и Телегин. Манакин упоминал георгиевского кавалера, инженера и полковника Талалаева, ныне полковник, командир донского саперного полка. Возможно, Толстой взял эту цитату для воплощения судьбы Телегина в «белой версии». Там, судя по восходящему к нему полковнику Никитину из рассказов «В бреду» [15. Цит. по: 16. С. 414–415] и «Четыре картины волшебного фонаря» [17. Цит. по: 16. С. 596–601], Иван Ильич становился полковником Вооруженных сил Юга России и командиром саперного полка, только, скорее всего, не в Донской, а в Добровольческой армии или в Кавказской армии Врангеля во время похода на Царицын.

Не исключено, что первоначально Толстой, сразу опознав в Манакине интеллигента, ошибочно решил, что тот является офицером военного времени, и потому сделал таковым и своего Роцина. Но при работе над «белой» версией он наверняка эту ошибку исправил и сделал своего героя кадровым офицером, да еще, возможно, и с академическим образованием.

Харизма, которой, несомненно, обладал Манакин, передана Роцину. Манакин после прихода к власти большевиков и начала гражданской войны являлся одним из немногих деятелей Белого движения, которые пытались всерьез расширить его социальную базу, обустроить тыл и включить в программу белых хотя бы некоторые завоевания Февральской революции. Виктор Константинович пытался найти опору в крестьянстве, из которого и формировался главным образом находившийся под его командованием Саратовский корпус, в дальнейшем переименованный в бригаду. Он, в частности, пытался опереться на крестьянское самоуправление, на наиболее авторитетных стариков, отстаивал необходимость немедленного проведения ряда социальных реформ, в частности аграрной. Фактически Манакин предлагал ту программу, которую в значительной степени реализовывали в ходе гражданской войны в Испании Франсиско Франко и его генералы, которые в районах, контролируемых франкистами, заставляли помещиков «добровольно» делиться с крестьянами землей и списывали имеющиеся долги беднейшей части населения. Однако Манакин так и не встретил понимания со стороны военно-политических вождей белых – сначала Донского атамана генерала Петра Краснова, а затем генералов Антона Деникина и Петра Врангеля. В результате, как Виктор Константинович с грустью писал своей сестре Зинаиде, он был в мае 1920 года уволен генералом Врангелем в бессрочный отпуск «после того как организованное при моем участии в Новороссийске Общество объединения русских офицеров и добровольцев – было признано Гл. Командованием несвоевременным и ненужным, хотя идеи, положенные в основание Общ-ва, самим ген. Врангелем были признаны правильными, главный же недостаток был в том, что мы заявили о необходимости русским офицерам самим начать думать и разбираться в обстановке...» [14. С. 345]. Здесь проявилось еще одно важное качество Манакина, благодаря которому

он оказался неугоден руководству Добровольческой, а потом Русской армии. Виктор Константинович хотел, чтобы рядовые участники Белого движения тоже имели свой голос и могли, пусть с известными цензурными ограничениями, высказывать свое мнение в прессе, независимой от командования, и также имели возможность вести агитацию за белых. Однако Деникин, да и Врангель делали в первую очередь ставку на хорошо подготовленных, убежденных и мотивированных бойцов из числа офицеров и добровольцев и на волевых и пользующихся авторитетом у подчиненных командиров, откладывая решение всех политических и социальных вопросов до созыва Учредительного собрания после победы над большевиками. Они не понимали, что без немедленного решения ряда политических вопросов победа недостижима. В Добровольческой армии Виктор Константинович, на которого косились, как на «февралиста», был обречен на роль Кассандры, поскольку видел неизбежность поражения белых и безуспешно предлагал пути спасения.

Можно предположить, что в начале «белой» версии второй части судьба Рощина была примерно такой же, какой и судьба Манакина, но с той существенной разницей, что Толстой хотел показать в «белой» версии октябрьские бои в Москве, которые наблюдал воочию. Во время этих боев Толстой не мог не общаться с ударниками Московского батальона, которые сражались буквально рядом с его квартирой. Во время Октябрьской революции Толстой находился в Москве и наблюдал бои между сторонниками Временного правительства, преимущественно юнкерами и немногочисленными офицерами и ударниками, и сторонниками большевиков, к которым относились основная часть гарнизона, рабочие и городские низы, объединившиеся в красную гвардию, а позднее – прибывшие им на помощь из Петрограда матросы. Толстой записывал в дневнике, как шли бои на дорогах ему московских улицах, предполагая, очевидно, использовать эти записи в будущих произведениях [18. С. 353–354].

Н.В. Крандиевская-Толстая, третья жена писателя, вспоминала: «Пули подкарауливали за каждым углом. Я переживала мучительные минуты, когда Толстой вместе с группой разведчиков выходил на улицу. Он говорил:

– Мне это надо для впечатлений, пойми!

Я понимала и все же не находила себе места, ожидая его возвращения» [19. С. 132].

В финале первой части трилогии все главные герои накануне Октябрьской революции оказываются в Петрограде. Очевидно, в начале второй части штурм Зимнего и связанные с ним события должны были быть увидены глазами Рощина и Телегина, Кати и Даши. Вероятно, осознав, что в Петрограде все проиграно, Рощин спешно возвращался в Москву, где участвовал в боях с большевиками, командуя Московским ударным батальоном. Затем Вадим Петрович с остатками батальона добирался до Могилева, где выполнял примерно ту же роль, какую в реальности играл Манакин. По всей видимости, глазами Рощина был показан колеблющийся Духонин и другие руководители Ставки. Далее Рощин, приняв командование ударным отрядом, прорывался на Дон.

Затем, после «Ледяного похода», Рошин «белой» версии становился полковником и дорастал до командования бригадой. В записных книжках подробно описывается второй захват Екатеринослава Махно и также упоминается генерал Я.А. Слащев: «Город освободил Слащев. Малиновая черкеска, белая папаха. Жена его на лошади, в черкеске, белая папаха» [20. С. 289. Книжка № 1, запись 72.] Однако в «Хмуром утре» этот сюжет так и не появился. В 30-е годы цензура изображения гражданской войны ужесточилась. И тема второго захвата Екатеринослава махновцами внезапно стала нецензурной – тогда бы подробно пришлось рассказывать о рейде Махно по тылам Деникина, предпринятом в самый разгар похода Вооруженных сил Юга России на Москву, и признать, что махновцы внесли свой вклад в победу красных над Деникиным.

Можно предположить, что в «белой» версии Рошин вместе с корпусом Слащева освобождал Екатеринослав от махновцев, преследуя махновцев, убивал своего бывшего ординарца Алексея Красильникова, ставшего махновским атаманом, освобождал Катю из махновского плена, а потом вместе с ней и Слащевым отступал в Крым, а из Крыма вместе с Русской армией Врангеля эвакуировался в Галлиполи. Вероятно, подробно описывались бои в Крыму, которым были посвящены многие из первых белых мемуаров 1921–1922 годов.

В «Восемнадцатом годе» Рошин лишь кратко вспоминает об октябрьских боях в Москве, находясь у своего тестя Булавина в Самаре, куда его увезла Катя после ранения. При этом указывается, что Рошин ожидал войск из Ставки: «Москва была занята войсками ревкома. На другой же день на улицах можно было видеть молодых людей в штатском, в руке – узелок, в глазах – недоброе. Они пробирались к вокзалам – Курскому и Брянскому... И хотя на ногах у них были военные обмотки или кавалерийские сапоги, – никто их не задерживал. Если бы не контузия, ушел бы и Рошин. Но у него случился легкий паралич, затем слепота (временная), затем какая-то чертовщина с сердцем. Он все ждал – вот-вот подойдут войска из ставки и начнут бить шестидюймовыми с Воробьевых гор по Кремлю. Но революция только еще начинала углубляться в народные толщи. Катя уговорила мужа уехать, забыть на время о большевиках, о немцах. А там будет видно» [5. Т. 5. С. 325].

Рошин, как мы помним, подполковник. Значит, во время октябрьских боев в Москве он должен был командовать каким-то достаточно большим отрядом сторонников Временного правительства уровня батальона, учитывая, что сам командующий Московским военным округом К.И. Рябцев, возглавивший военное сопротивление большевикам, был всего лишь в чине полковника. Однако из воспоминаний Рошина о московских боях в «Восемнадцатом годе» никак не следует, что он занимал какую-то руководящую должность. По всей вероятности, в «белой» версии Рошин командовал Московским ударным революционным батальоном и другими войсками в секторе, примыкавшем к Молчановке. И совершенно нелепо и подло выглядело бы, если бы Вадим Петрович бросил своих солдат, собиравшихся продолжать борьбу с большевиками в другом месте. Можно не сомневаться, что

история с его отъездом в Самару появилась только в советской версии трилогии. В «белой» версии московские бои наверняка были описаны гораздо подробнее, и Роцин играл в них видную роль. А после завершения боев он, скорее всего, с остатками своих ударников отправлялся в Могилев, в Ставку, а оттуда, как и Манакин, пробивался на Дон. Эпизод с поездкой Роцина и Кати в Самару в «Восемнадцатом годе» призван был заменить присутствовавший в «белой» версии эпизод с поездкой Роцина и ударников в Могилев и последующими боями по дороге на Дон.

А вот далее биография Роцина, по всей вероятности, уже существенно отличается от биографии Манакина. По всей вероятности, Виктор Константинович прибыл на Дон во второй половине декабря (ст. ст.) 1917 года. Пока не установлено, что именно делал он в первые месяцы 1918 года. В корниловском «Ледяном походе» Манакин точно не участвовал. После гибели атамана Каледина и краха антибольшевистского сопротивления на Дону он, возможно, ушел в Степной поход под командованием походного атамана генерал-майора П.Х. Попова. Возможно, Манакин участвовал в походе под чужой фамилией и в качестве своей первоначальной специальности артиллерийского офицера. Нельзя также исключить, что в Степном походе Манакин не участвовал, а сражался в немногочисленных партизанских отрядах на юге Донской области, а в апреле 1918 года участвовал в антибольшевистском восстании, которое привело к власти атамана Петра Николаевича Краснова.

Но дальнейшей биографии Манакина Толстой не знал. Кроме того, ему принципиально важно было сделать Роцина участником корниловского «Ледяного похода», в котором Манакин точно не участвовал. Вероятно, для изображения Роцина в корниловском походе в качестве прототипа был использован один из офицеров – участников похода.

Причины, по которым Толстой «сменил вехи» как своей жизни, так и судьбы героев «Хождения по мукам», были понятны современникам.

24 февраля 1945 года драматург А.К. Гладков записал в дневнике: «Третьего дня умер от рака груди А.Н. Толстой. Он был уже с год, как приговорен врачами, но не знал об этом и успел написать несколько сочных и ярких глав „Петра“. Это был необыкновенно одаренный писатель, но легкомысленный, суетный, больше всего любивший вкусно жить. Говорят, он был способен и на пакости. Среди написанного им останется меньше половины» [21. С. 477].

Вернувшись в СССР, Толстой добился всего, чего хотел – славы и практически неограниченных материальных благ. Можно сказать, что он жил, как при коммунизме, сполна удовлетворяя все свои материальные потребности. Фактический уровень жизни Толстого, вероятно, был даже выше, чем уровень жизни секретаря обкома партии и даже члена Политбюро. Достаточно сказать, что писатель имел три автомобиля, тогда как в некоторых обкомах имелся всего один автомобиль. Разумеется, Толстой, в отличие от секретарей обкомов и членов Политбюро, не обладал никакой политико-административной властью, но он к этому и не стремился, тем более что власть была связана с риском репрессий, тогда как Толстому, который как

никто другой чувствовал конъюнктуру на самом верху и не был связан ни с какими оппозиционерами, репрессии не грозили. Но платой за материальный комфорт стали многочисленные вещи-однодневки, равно как и постепенное ухудшение художественного качества тех трилогий-эпопей, работа над которыми началась еще в годы гражданской войны и эмиграции.

Ценой официального почета стал недюжинный литературный талант Алексея Николаевича Толстого, который в СССР буквально пришлось зарывать в землю, приспособив под идеологические установки и цензурные рамки. Но беда была в том, что в СССР талант Толстого практически не развивался, и писатель не смог реализовать весь свой немалый творческий потенциал. «Белая» версия «Хождения по мукам, будь она завершена и опубликована, могла бы стать лучшим произведением Толстого, а его талант мог бы получить новое развитие. Но для этого требовалось только одно условие: остаться в эмиграции, не поддаваясь на щедрые советские посулы. С голоду бы Толстой не умер и достаточно сносный быт себе и семье, при своей поразительной трудоспособности, сумел бы обеспечить. Но роскошная жизнь, о которой он мечтал, либо не наступила бы вовсе, либо ее пришлось бы ждать много лет, пока Толстой не стал бы всемирно известным и широко переводимым на все языки писателем, как, например, Владимир Набоков (но что будет именно так, никаких гарантий не было). Думаем, что на решение Толстого вернуться в СССР, среди прочего, повлияло и то обстоятельство, что он, в отличие от того же Набокова, толком не знал иностранных языков и некомфортно чувствовал себя в иноязычной среде.

Толстой не без оснований рассчитывал, что в Советской России его писательское имя, полученное еще до революции, и готовность исполнять, в сущности, любой идеологический заказ, позволят ему легче выйти на первые роли среди писателей. Не говоря уж о том, что читательская аудитория в Советском Союзе была несравнима по объему с эмигрантской аудиторией. А ведь Толстой всегда заботился о читателе своих произведений. По верному замечанию Е.Д. Толстой, писатель «строил свою литературную нишу на грани келейной и массовой литературы, популяризируя элитные идеи в произведениях, в высшей степени читабельных, всегда снабженных захватывающим мелодраматическим сюжетом. Эстетический смысл такой прозы состоял в создании языка – общепонятного, но способного рассказывать ярко и просто о сложном. Такой язык – доброкачественный и чистый, одновременно старый и новый, прихотливый, субъективный и гибко передающий „чужое слово“ – и был сферой „изобретения“ Толстого» [16. С. 12]. В эмиграции за первенство пришлось бы конкурировать с Буниным, Куприным, Мережковским, Гусевым-Оренбургским, Чириковым, Шмелевым, Амфитеатовым и другими писателями, успевшими уже сделать себе имя в России. В СССР же, где литература все жестче загонялась в определенные идеологические рамки, в начале 1920-х годов еще почти не было известных писателей, вставших на сторону большевиков. Да и молодые писатели, воспитывавшиеся в следовании догмам Пролеткульта, не пользовались популярностью у читающей публики. Недаром Ф. Степун в своем обзоре русской литературы игнорировал «всю коммунистическую агитмакулатуру с пролет-

культщиной во главе» [22. С. 236, примеч. 1]. Те же, кто могли составить конкуренцию, вроде Михаила Булгакова, не допускались в печать по идеологическим основаниям. В эмиграции же, в условиях свободы слова Толстой мог ожидать в скором времени конкуренции со стороны новых писателей, как молодых, вроде Владимира Набокова, так и представителей его поколения, вроде Марка Алданова.

И была еще одна причина, почему Толстой вернулся на родину. Наталья Крандиевская в 1922 году выпустила сборник стихов «От лукавого», в который вошло одно из лучших ее стихотворений, посвященное именинам Толстого, «Алексей – с гор вода!». В нем есть такие строки:

Стала я на ломкой льдине,
И несет меня – куда?
.....
А в милой Москве еще снег,
Звон великопостный и тихий,
И санок раскидистый бег
В сугробах широкой Плющихи.
Теперь бы пойти на Арбат
Дорогою нашей всегдашней!
Над городом галки кричат,
Кружат над кремлевскою башней.
Ты помнишь наш путь снеговой,
Счастливый и грустный немножко,
Вдоль старенькой церкви смешной, –
Николы на Курьих Ножках?
[23. С. 58–60].

Это стихотворение отразилось в 1928 году в пьесе Михаила Булгакова «Бег», где главные герои, доцент Голубков и Серафима Корзухина, решают вернуться из эмиграции в Москву, чтобы вновь увидеть снег на Караванной. Точно так же Крандиевская и Толстой хотели вернуться в Москву, чтобы увидеть снег, только не на Караванной, а на Молчановке. Крандиевская связывает пребывание в эмиграции с жизнью на льдине. У Булгакова весь бег в Крым, а потом в эмиграцию у героев ассоциируется с оледенением крымской станции, где они встретились [24. С. 470–423]. И у Крандиевской, и у Булгакова звучит мотив заматаемого снегом следа, забвения прежнего бега с белыми и эмиграции.

Многие писатели отмечали, что талант у Толстого – телесный, нутряной. Он очень хорошо умеет показать своих героев так, что читатель видит настоящий портрет живого человека. Отсюда и чрезвычайно внимание к деталям трапезы, одежды, мебели и иным предметам быта. Отсюда и очень колоритный язык, который в исторических произведениях превращается в замечательную стилизацию. Отсюда и талант рассказчика, способность к увлекательному повествованию. Но вот больших философских вопросов Толстой в своих вещах не ставил. Поэтому реалистическая манера письма для Толстого была вполне органична, а декадентство – скорее следование моде. И психологически его герои убедительны, не менее, чем герои «Войны и мира», но только тогда, когда он следует свободному полету мысли, а не подгоняет их под заданные идеологические схемы. А вот по части философского осмысления истории «Третий Толстой» сильно уступал «Первому Толстому», причем вне зависимости от каких-либо идеологических или цензурных рамок. История переживается в его произведениях, прежде всего,

через чувства героев. Если бы трилогия «Хождение по мукам» писалась в условиях свободного творчества, то, наверное, все герои выглядели бы психологически убедительно. Но в СССР Толстому пришлось спешно перелицовывать тех героев, которые в эмигрантской версии первой части предназначались для будущего участия в белом движении, тех же Телегина и Рощина, чтобы хоть как-то обосновать их последующий переход к красным. Наоборот, от тех героев, которым предстояло во второй и третьей частях трилогии выступать за красных, пришлось либо вообще избавиться, либо изобразить их образы от первоначальных негативных черт, поскольку эти герои мыслились в подавляющем большинстве отрицательными в «белой» версии. Поэтому, как главные герои, так и другие персонажи «Восемнадцатого года» и «Хмурого утра» значительно проиграли в психологической убедительности. Женские образы в меньшей степени подверглись подобной переделке, поскольку были гораздо менее политизированными и скорее отдавались на волю революционной стихии. И получилось так, что вторая и третья часть трилогии больше держатся на них, тогда как Рощин и Телегин, особенно в «Хмуром утре», выглядят бледно и представляют собой образы, искусственная сконструированность которых бросается в глаза.

Список литературы

- [1] *Толстой А.Н.* Хождение по мукам: роман. Берлин: Москва, 1922. 462 с.
- [2] *Воронцова Г.Н.* Текстологические принципы издания // Толстой А.Н. Хождение по мукам / сост., статья, примеч. Г.Н. Воронцовой. М.: Наука, 2012. С. 400–411.
- [3] Русская книга. 1921. № 6. С. 25–26.
- [4] *Воронцова Г.Н.* «Сквозь пыль и дым»: первый роман о русской революции // Толстой А.Н. Хождение по мукам / сост., статья, примеч. Г.Н. Воронцовой. М.: Наука, 2012. С. 303–399.
- [5] *Толстой А.Н.* Собрание сочинений: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1958–1961. Т. 5. 638 с. Т. 10. 711 с.
- [6] *Толстой А.Н.* Хождение по мукам / сост., ст., примеч. Г.Н. Воронцовой. М.: Наука, 2012. 478 с.
- [7] Донская волна. 1918, 7 октября. № 17. 20 с.
- [8] *Шинкаренко Н.* Ударники Манакина // Донская волна. 1918, 7 октября. № 17. С. 3–6.
- [9] *Г.Ф.* Октябрьский переворот и ударники // Донская волна. 1918, 7 октября. № 17. С. 6.
- [10] *Манакин В.* Ударные батальоны 1917 года (наброски и воспоминания) // Донская волна. 1918, 28 октября. № 20. С. 11–13.
- [11] *Манакин В.* Последняя русская ставка (воспоминания) // Донская волна. 1918, 25 ноября. № 24. С. 11–13.
- [12] *Литовский О.С.* Так и было. М.: Советский писатель, 1958. 248 с.
- [13] *Толстой А.Н.* Земской Союз. Из дневника на 1917 год // Русские ведомости. 1917, 15 января. № 12. С. 2.
- [14] *Посадский А.В.* Полковник В.К. Манакин и Саратовский корпус. Эпизод гражданской войны. М.: АИРО-XXI, 2018. 520 с.
- [15] *Толстой А.Н.* В бреду // Толстой А.Н. Лихие годы. Рассказы. Берлин; Пг.; М.: Изд. 3. Гржебина, 1923. 272 с.
- [16] *Толстая Е.Д.* «Деготь или мед»: Алексей Н. Толстой как неизвестный писатель (1917–1923). М.: РГГУ, 2006. 684 с.
- [17] *Толстой А.Н.* Четыре картины волшебного фонаря // Жар-птица. 1922. № 6. С. 3–10.

- [18] Толстой А.Н. Дневник 1917–1936 гг. / вступ. ст. и публ. А.М. Крюковой // Толстой А.Н. Материалы и исследования / под ред. А.М. Крюковой. М.: Наука, 1985. С. 340–390.
- [19] Крандиевская-Толстая Н.В. Воспоминания. Л.: Лениздат, 1977. 432 с.
- [20] Толстой А.Н. Записные книжки / предисл. и публ. Ю.А. Крестинского, Л.И. Толстой; примеч. Ю.А. Крестинского, П.И. Якира // Литературное наследство. М.: Наука, 1965. Т. 74. С. 277–352.
- [21] Михеев М.Ю. Александр Гладков о поэтах, современниках и – немного о себе. 2-е изд. М.: ЯСК, 2019. 511 с. (Из дневников и записных книжек).
- [22] Стенун Ф.А. Встречи и размышления. Лондон: Overseas Publications, 1992. 287 с.
- [23] Крандиевская-Толстая Н.В. От лукавого. Книга стихов. Берлин: Геликон, 1922. 94 с.
- [24] Булгаков М.А. Пьесы 20-х годов / под ред. А.А. Нинова. Л.: Искусство, 1989. 591 с.

References

- [1] Tolstoy, A.N. (1922). *Khozhdenie po mukam* [The road to calvary]. Berlin, Moskva Publ. (In Russ.)
- [2] Vorontsova, G.N. (2012). *Tekstologicheskie printsipy izdaniya* [The textual principles of the publication. In A.N Tolstoy, *Khozhdenie po Mukam* [The Road to Calvary] (pp. 400–411). Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
- [3] *Russkaja kniga* [The Russian book]. (1921). Issue 6 (pp. 25–26). (In Russ.)
- [4] Vorontsova, G.N. (2012). “Skvoz’ pyl’ i dym”: Pervyj roman o russkoy revoljutsii [“Through dust and smoke”: The first novel about the Russian revolution]. In A.N. Tolstoy, *Khozhdenie po Mukam* [The Road to Calvary] (pp. 303–399). Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
- [5] Tolstoy, A.N. (1958–1961). *Sobranie sochineniy* [Compilation of works] (vols 5 & 10). Moscow, GiKHL Publ. (In Russ.)
- [6] Tolstoy, A.N. (2012). *Khozhdenie po mukam* [The road to calvary]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
- [7] *Donskaya Volna* [Don’s Wave]. (1918, October 7). Issue 17. (In Russ.)
- [8] Shinkarenko, N.V. (1918, October 7). *Udarniki Manakina* [Manakin’s udarniks]. *Donskaya Volna* [Don’s Wave], (17), 3–6. (In Russ.)
- [9] G. F. (1918, October 7). *Oktjabr’skiy perevorot i udarniki* [The October coup d’état and udarniks]. *Donskaya Volna* [Don’s Wave], (17), 6. (In Russ.)
- [10] Manakin, V. (1918, October 28). *Udarnye batal’ony 1917 goda. Nabroski i vospominaniya* [The attack battalions of 1917 (sketches and memoirs)]. *Donskaya Volna* [Don’s Wave], (20), 11–13. (In Russ.)
- [11] Manakin, V. (1918, November 25). *Poslednyaya russkaya stavka* [The last Russian supreme command headquarters]. *Donskaya Volna* [Don’s Wave], (24), 11–13. (In Russ.)
- [12] Litovskiy, O.S. (1958). *Tak i bylo* [And so it was] Moscow, Sovetskiy pisatel Publ. (In Russ.)
- [13] Tolstoy, A.N. (1917, January 15). *Zemskoy Sojuz. Iz dnevnika na 1917 god* [The Zemstvo Union. From a diary for 1917]. *Russkie Vedomosti*, (12), 2. (In Russ.)
- [14] Posadskiy, A.V. (2018). *Polkovnik V.K. Manakin i Saratovskiy korpus. Epizod Grazhdanskoy voyny* [Colonel V.K. Manakin and the Saratov Corps. The episode of the Civil War]. Moscow, AIRO-XXI Publ. (In Russ.)
- [15] Tolstoy, A.N. (1923). *V bredu* [In delirium]. In A.N. Tolstoy, *Likhie Gody: Rasskazy* [Dashing Years: Stories]. Berlin, Petrograd, Moscow, Z. Grzhebin Publishers. (In Russ.)
- [16] Tolstaya, E.D. (2006). “Degot’ ili med”: *Aleksey N. Tolstoy kak neizvesnyy pisatel’ (1917–1923)* [“Tar or honey”: Aleksey N. Tolstoy as an unknown writer (1917–1923)]. Moscow, RGGU Publ. (In Russ.)
- [17] Tolstoy, A.N. (1922). *Chetyre kartiny volshebnoho fonorya* [Four pictures of the magic lantern]. *Jar Ptitsa*, (6), 3–10. (In Russ.)

- [18] Tolstoy, A.N. (1985). *Dnevnik 1917–1936 gg.* [Diary of 1917–1936]. In A.N. Tolstoy, *Materialy i Issledovaniya [Materials and Studies]* (pp. 340–390). Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
- [19] Krandievskaya-Tolstaya, N.V. (1972). *Vospominaniya [The memoirs]*. Leningrad, Lenizdat Publ. (In Russ.)
- [20] Tolstoy, A.N. (1965). *Zapisnye knizhki [The Notebooks]*. *Literaturnoe Nasledstvo [Literary Legacy]*, 74, 277–352. (In Russ.)
- [21] Mikheev, M.Ju. (2009). *Aleksandr Gladkov o poetakh, sovremennikakh i – nemnogo o sebe [Alexander Gladkov about poets, contemporaries, and some words about himself]*. 2nd ed. Moscow, YASK Publ. (In Russ.)
- [22] Stepun, F.A. (1992). *Vstrechi i razмышleniya [Meetings and reflections]*. London, Overseas Publications. (In Russ.)
- [23] Krandievskaya-Tolstaya, N.V. (1922). *Ot lukavogo. Kniga stikhov [From evil. The book of poems]*. Berlin, Helikon. (In Russ.)
- [24] Bulgakov, M.A. (1989). *P'esy 30-kh godov [The plays of 1930s]*. Leningrad, Iskusstvo Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Соколов Борис Вадимович, доктор филологических наук, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI). E-mail: bvsokolov@yandex.ru.

Bio note:

Boris V. Sokolov, Dr. hab. of Philology, Ph.D. in History, senior researcher of the Association of Researchers of the Russian Society (AIRO-XXI). E-mail: bvsokolov@yandex.ru.